
Волненія крестьянъ въ царствованіе императора Александра I ¹⁾.

(По архивнымъ матеріаламъ).

I. Общія замѣчанія.

Изучая крестьянскія волненія, мы не должны смѣшивать причинъ волненій съ поводами и предлогами послѣднихъ ²⁾. Поводъ, предлогъ къ неповиновенію и буйству—явленіе частное, мѣстное: они часто и сильно разнообразятся, какъ по мѣсту, такъ и по времени своего возникновенія: сплюснута рядомъ вышній поводъ къ волненію можетъ быть признанъ мелочнымъ, неосновательнымъ, даже несерьезнымъ, а потому сужденія объ явленіи лишь по поводамъ возникновенія могутъ быть односторонни, поверхностны, даже ошибочны. Крестьянскія волненія на протяжении цѣлаго столѣтія въ основѣ своей имѣютъ глубочайшую общественно-экономическую причину—это крѣпостное право, экономическое и юридическое порабощеніе личности со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, крѣпостное право, какъ сложившійся юридическій институтъ, крѣпкій болѣе обыч-

¹⁾ Настоящая статья составлена на основаніи архивныхъ документовъ собранія проф. А. Е. Нааимова, находящагося въ библиотекѣ Новороссійскаго Университета. Разрѣшеніе на использование матеріала получили отъ проф. И. А. Ливниченко, которому приносимъ искреннюю благодарность.

За цѣнные совѣты и указанія считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ принести глубокую признательность В. И. Семеvскому.

²⁾ Н. Павловъ-Сильванскій—Волненія крестьянъ при Павлѣ I, сочиненія, т. II, стр. 154 и д.

нымъ правомъ, и общественнымъ сознаніемъ, чѣмъ строгими юридическими формами. Крѣпостное право, какъ явленіе общерусское, на всемъ огромномъ протяженіи Европейской Россіи имѣло свой опредѣленный общій ликъ, только условія отношеній между помѣщикомъ и крѣпостнымъ мѣнялись по мѣстамъ, оставаясь тѣмъ не менѣе явленіемъ специфическимъ. Гнѣвъ крѣпостническихъ отношеній порождать естественный протестъ противъ существующаго института, выливаясь въ болѣе или менѣе общія формы, въ особенности въ царствованіи Александра I. Общія формы, однако, не лишаютъ волненій крестьянскихъ своихъ индивидуальныхъ чертъ, вытекающихъ всегда изъ наличности своеобразныхъ условій, въ связи съ географическими, этическими и иными основаніями. Крестьянскія волненія начала XIX в., какъ и послѣдующаго періода царствованія Николая, ¹⁾ имѣють огромное симптоматическое значеніе для диагноза ненормальнаго состоянія общественнаго организма.

Волненія крестьянъ въ царствованіе Александра I не отличаются ни страстностью, ни широтой размаха, какъ волненія предшествующаго или послѣдующаго царствованія. Въ теченіи этой эпохи мы имѣемъ дѣло съ постоянными случаями неповиновенія крестьянъ помѣщичьей власти и власти административной, когда таковая вмѣшивалась въ отношенія помѣщика и крестьянина и старалась водворить законный порядокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ виду исключительныхъ условій злоупотребленій власти помѣщичьей или бѣдственнаго положенія крестьянъ, обычное неповиновеніе переходило въ бунты и возстанія, въ которыхъ принимали участіе многіе десятки и сотни крестьянъ. Такихъ бунтовъ и возстаній по нашимъ документамъ можно прослѣдить немного, большая часть ихъ падаетъ на крестьянъ, принисанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Въ началѣ XIX в., въ царствованіе Александра I, крестьянскія волненія стали явленіемъ постояннымъ, хроническимъ. Такимъ образомъ болѣзненное состояніе, порожденное условіями крѣпостнаго права, приняло затяжную форму, требующую коренныхъ

¹⁾ Н. Игватовичъ—Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854—1863 гг., Минувшіе годы, 1908 г., №№ 5—6, 7, 9, 10, 11.

Ясаяскій—Къ исторіи крестьянскихъ движеній въ Россіи.

средствъ для избавленія общества отъ тяжелаго недуга. Понятно, какое большое значеніе имѣеть выясненіе условій и формъ крестьянскихъ волненій, отношенія къ нимъ самихъ крестьянъ и власти. Участники волненій всегда видѣли въ такой формѣ протеста единственный и правильный выходъ изъ положенія. Но волнующіеся крестьяне, какъ и позже, разграничиваютъ интересы своихъ господъ, помѣщиковъ и высшей власти, особенно императора: слѣдствіемъ этого были неоднократныя посланки „холоковъ“, „повѣренныхъ“ въ Петербургъ для отысканія затерявшейся, утаенной правды. Что касается правительственныхъ властей, а также губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, на которыхъ была возложена обязанность слѣдить за отношеніемъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, то приходится въ большинствѣ случаевъ отмѣчать недостаточно вдумчивое отношеніе къ тѣмъ серьезнымъ явленіямъ, которыя развертывались на ихъ глазахъ, регулировать которыя они были призваны. Близорукое отношеніе къ причинамъ крестьянскихъ волненій приводило слонихъ да рядомъ къ невозможнымъ положеніямъ. Административная власть, за небольшими исключеніями, старалась усматривать въ крестьянскихъ волненіяхъ злоую волю, врожденную склонность къ бунтамъ и непокорству, вредное, „злосамѣренное“ винушеніе, въ лучшемъ случаѣ отвлеченное исکانіе свободы, между тѣмъ претѣдовашіе причины и поводы волненій, представляемыя тѣми же администраторами-слѣдователями, говорить о противномъ.

Находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріаль объи-
маеть довольно большой періодъ крестьянскихъ волненій—
съ 1810 г. по 1819 г. Волненія охватили всю Россію ¹⁾. Они

¹⁾ 1. Малороссія, Новохоп. у., сл. Воскресеновка, п-ковъ Слюсаревыхъ и Поповыхъ, 1810 г.; 2. Вологодск. губ., п-ка Яковлева, 1812 г.; 3. Пермск. губ., заводск. крестьяне, 1812 г.; 4. Новгородск., Кириловск. у., п-ка Лѣскова, 1813 г.; Малороссія, Львовск. у., сл. Консля и Зогряцк., п-цы Анненковой, 1813 г.; Оренбургск., Бѣлорѣцк. заводъ Пашкова, 1813 г.; (3 случая); 5. Пензенск., Инсарова окр., д. Гекашевъ-Помятъ, г. д. Обрѣзкова, 1814 г.; Смоленск., гр. Каменскій, 1814 г.; (2 случая); 6. Полтавск., с. Жуково, Стасовець, Кирьякова, 1815 г.; Тверская, Камышинск. окр., п-ковъ Вишневакхъ, 1815 г.; Рязанск., Скопинск. Коннозаводск. волости, с. Чернавъ, 1815 г.; Тамбовск., п-ка Иванова, 1815 г.; Оренбургск., Бузулукск. у., д. Самодуровка, Нагадкиной, 1815 г.; Пензенск., Краснослободск. у., с. Ефаево, Удѣльные кр., 1815 г.; Тамбовск., Моршанск. у., Му-

возникали безирерывно въ теченіи 10 лѣтъ. Особенно штепсивнымъ по количеству случаевъ волненій быть 1818 г., что объясняется слухами о ликвидаціи крѣпостного права. Несмотря на непрекращающіяся волненія, мы не можемъ, на основаніи наличнаго матеріала, установить связи и взаимодѣйствія между волнующимися крестьянами разныхъ уѣздовъ; такую связь скорѣе можно наблюдать въ вотчинахъ одного и того же владѣльца. Если иной разъ и можно говорить о вліяніи на крестьянъ извѣст., то такое во всякомъ случаѣ не имѣло значенія опредѣляющаго движеніе момента.

равьевой-Апостоля, 1815 г.; Тамбовск., Засѣпкой, 1815 г.; Курск., Львовск. окр. Денисьева, 1815 г.; Пензенск. Мокшавск. окр., с. Купли, Мясоѣдовой, 1815 г.; Вятск., заводъ Яковлева, 1815 г.; Костромск., Костромск. у., Нерехтск. у., с. Никольское и Червозаводское, гр. А. Головкина, 1815 г.; Смоленск., Липецк. удѣльнаго Прик., 1815 г.; Смоленск., д. Медвѣдокъ, удѣльн. вѣд., 1815 г.; Ярославск., Угличская вотчина, Демидовскихъ Вышнихъ Наукъ Училища, 1815 г. (15 случаевъ); 7. Новгородск. губ., Новгород. у., Бурегск. Удѣльнаго Приказа, 1816 г.; Слободск. укр., Ахтырск. у., д. Бряцовка, Логачева и Плачковскаго, 1816 г.; Воронежск., Сеявина, 1816 г.; Орловск., с. Красная Рыбница, Шуманскихъ 1816 г.; Курск., разн. п-ковъ, 1816 г.; Тамбовск., гр. Воронцова, 1816 г.; Орловск. Экономич. кр-не разн. деревень, 1816 г., (7 случаевъ); 8. Рязанск., Касимовск. у., Дурасова, 1817 г.; Минск., Давыдгородок., Л. Радзивилла, 1817 г.; Псковск. губ. и у., казен. кр-не, 1817 г.; Оренбургск., Буаулукск. у., Дергавина, 1817 г.; Псковск., Опочецк. у., Воронежск. Удѣльн. Приказа, 1817 г. (5 случаевъ); 9. Воронежск., сл. Карабаново, 1818 г.; Тульск., Крапивенск. у., с. Рождествино, Лазарева, 1818 г.; Слободско-Украинск., Изюмск., у., Савинск. вол., 1818 г.; Саратовск., с. Реьевка, Волконской, 1818 г.; Симбирск., Наумова, 1818 г.; Гродненск., Глосевичъ староство, казен. кр., 1818 г.; Минск. п-цы Крашевой, 1818 г., Симбирск., Курмышск. у., Лазарева, 1818 г.; Воронежск., Острожокск. у.; сл. Морозовка, п-цы Тевяшевой, 1818 г.; Рязанск., Скопинск. у., Миллера, 1818 г.; Тамбовск., Спасской окр., с. Буть, камергера Гагарина, 1818 г.; Витебск., Полоцк. повѣта, ичвнѣ Черницы, 1818 г.; Тамбовск., с. Молчановка, Кирсановой, 1818 г.; Обл. Войска-Донскаго, 1818 г.; Симбирск., Ардатовск. у., с. Богоявленское, г. м. Тучкова, 1818 г.; Тамбовск., с. Заметно и Матгерка, об-камергера Нарышкина, 1818 г.; Тверск., Вышневолоцк. у., с. Маковщина, п-ковъ Муромцева и Милюкова, 1818 г. (17 случаевъ); 10. Курляндск., Рижск. у., м. Ленсваденъ, 1819 г.; Калужск. губ. и у., Авдроновск. вол., экономич. кр., 1819; Симбирск., Елагиной, 1819 г.; Курляндск., м. Грендзень, Воронежск., Старобѣльск. у., сл. Штормовая, гр. Стенбокъ, 1819 г.; Пензенск., Городищенск. у., с. Павловское и Архангельское, д. т. с. Куракина (6 случаевъ). Подробная статистика крест. волненій—Варадиновъ, Исторія Министерства Вн. Д., ч. I. II, кн. 1, 2.

Оно должно быть разсматриваемо, какъ одно изъ незначительныхъ слагаемыхъ въ числѣ другихъ большаго значенія. Наоборотъ, все говоритъ объ изолированности крестьянскихъ движеній: только въ основѣ всѣхъ крестьянскихъ волненій лежали изначальныя однородныя условія.

Архивные документы, правда, не всегда строго различаютъ крестьянскія волненія, бунты и простое буйство и неповиновеніе: квалифікація этихъ состояній требуетъ еще многого. Силошь да рядомъ донесенія мѣстныхъ агентовъ административной власти сообщаютъ о крестьянскихъ бунтахъ, неповиновеніи съ серьезными угрозами, между тѣмъ обнаруживается простое возмущеніе, которое быстро и скоро улаживается: съ другой стороны, сообщеніе о незначительномъ неповиновеніи неожиданно разрастается въ донесеніе о грозномъ возмущеніи, сопровождающемся насиліемъ и кровопролитіемъ. Точная квалифікація и разграниченіе бунта и простого недоразумѣнія не всегда представляется возможнымъ, ибо не всегда на лицо дѣйствующія причины, поэтому трудно вдаваться въ детали разграниченія понятій, тѣмъ болѣе, что между различными видами и формами проявленія крестьянскаго протеста различія качественныя. Потенціальная причина волненія постоянна и въ любой моментъ, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, простое возмущеніе можетъ обратиться въ грандіозный пожаръ. Изученіе крестьянскихъ волненій имѣютъ то большое значеніе, что они особенно рельефно вскрываютъ язвы крѣпостного права, вводятъ насъ во внутреннюю обстановку этого института. Историческое изученіе крестьянскихъ волненій, помимо непосредственнаго интереса, даетъ еще безцѣльный матеріалъ для характеристикъ, если можно такъ выразиться, *общественной философіи* крѣпостного крестьянства и его праваго самосознанія. Наконецъ, крестьянскія волненія даютъ возможность начертать *психологию* крестьянской массы, какъ собирательной личности. Конечно, пора для подобной работы еще не наступила, наличный матеріалъ въ обработкѣ недостаточенъ и слишкомъ отрывоченъ: существующія работы по исторіи крестьянскихъ волненій болѣе имѣютъ въ виду внѣшнюю обстановку, чѣмъ идейную подкладку. Еще болѣе настоятельной потребностью является изученіе крестьянскихъ волненій на всемъ историческомъ ихъ протяженіи: подобное

ислѣдованіе способно раскрыть *эволюцію крестьянскаго міровоззрѣнія и эволюцію крестьянской психологіи* въ общей исторической перспективѣ. Всѣ другія монографическія изслѣдованія должны играть роль тѣсовъ этого будущаго цѣльнаго научнаго произведенія. О крестьянскихъ волненіяхъ въ царствованіе императора Александра I имѣтъ еще связнаго и цѣльнаго повѣствованія, между тѣмъ, именно, для этой эпохи такой трудъ имѣетъ большое научное значеніе. Мы съ своей стороны пытаемся въ этотъ недочетъ внести только посильную незначительную лепту.

2. Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Александра I.

Крестьянскій вопросъ въ первой четверти XIX в., въ Александровскую эпоху, является въ центрѣ общественнаго и государственнаго вниманія. Личныя мнѣнія и взгляды Александра I, идея освобожденія крестьянъ, не чуждая молодому императору, оживленное дебатированіе крестьянскаго вопроса въ серьезныхъ научныхъ трудахъ, публицистическихъ произведеніяхъ, глубокое вниманіе декабристовъ къ этому вопросу, либеральныя идеи представителей художественнаго слова, все это прекрасный показатель интенсивнаго направленія мысли въ сторону разрѣшенія крестьянскаго вопроса¹⁾. Между тѣмъ результатъ усиленнаго интереса къ крестьянскому праву слишкомъ ничтоженъ и не соответствуетъ первоначальному размаху. Въ крестьянскую среду проникли кое-какіе слухи о реформаторскихъ стремленіяхъ и своеобразно въ ней преломлялись. Всѣ эти слухи въ крестьянской средѣ подвергались *приспособленію* къ тому стремленію вырваться изъ-подъ гнета помещичьей власти, которымъ было охвачено крестьянство, а потому случайное слово, рѣчь пьянаго проходимца, ничего незначащая оффиціальная бумага, при-

¹⁾ В. И. Семевскій—Крестьянскій вопросъ въ Россіи XVIII в. и первой пол. XIX, т. I; его же—въ сб. Крестьянскій строй, т. I, стр. 169—241. Иконниковъ—графъ Н. С. Мордвиновъ—стр. 34—35; стр. 209—244. Романовичъ-Славатинскій—Дворянство въ Россіи, стр. 159—380—383. Дубровинъ. Послѣ отечественной войны, Р. старина, 1904 г., апрѣль, стр. 15—19; май, 255—259. Семевскій—Ник. Ив. Тургеневъ о крестьянскомъ вопросѣ въ царствованіе Александра I, В. Европа, 1909 г., т. I. № 1, 2; его же—Политическія и общественныя идеи декабристовъ, гл. XI

обрѣтала въ массѣ крѣпостного населенія невѣроятное значеніе.

Въ царствованіе Александра I, „если не считать неудачной крестьянской реформы въ остзейскомъ краѣ, было очень мало сдѣлано для уничтоженія и ограниченія крѣпостного права. Самыми важными мѣрами въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній въ полную собственность и указъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ; затѣмъ нужно упомянуть объ уничтоженіи правила „по холопу раба“, запрещеніе въ 1825 г. продавать трудъ своихъ крѣпостныхъ на фабрики и заводы, запрещеніе продажи крѣпостныхъ на ярмаркахъ (не прекратившемъ однако этого позорнаго обычая) и, наконецъ, объ уничтоженіи права помещиковъ отдавать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу“. Правительство Александра I, особенно во вторую половину, не только отступило предъ рѣшительными мѣрами, не только не допускало свободнаго обсужденія крестьянскаго вопроса въ печати, но не разъ, наоборотъ, препятствовало членамъ дворянскаго сословія коллективно содѣйствовать улучшенію быта и освобожденію крѣпостныхъ ¹⁾.

Законодательство царствованія Александра I неуклонно стремится право владѣнія крѣпостными сдѣлать исключительнымъ достояніемъ, привилегіей дворянскаго сословія. Въ 1814 г. запрещается владѣніе крѣпостными, какъ крестьянами, такъ и дворовыми, личнымъ дворянамъ. Законъ 1815 г. запрещаетъ аудиторамъ и другимъ чиновникамъ военнаго вѣдомства покупать крѣпостныхъ. Въ 1816 г. разрабатываются мѣры къ прекращенію укрѣпленія крестьянъ за лицами, не имѣющими на то права. Имяннымъ указомъ 21 февр. 1816 г., впредь до рѣшенія въ Государственномъ совѣтѣ, воспрещена была продажа крѣпостныхъ Донскимъ чиновникамъ для переселенія ихъ на войсковыя земли ²⁾. Въ жизни эти распоряженія и законъ очень часто обходили. Въ 1814 г. екатеринославскій градоначальникъ жаловался: что „сколько не ограничено существующими узаконеніями право пріобрѣтать крестьянъ

¹⁾ Семевскій—Сб. Крестьянскій строй, стр. 179, 184; Середонинъ—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ т. I, стр. 323.

²⁾ Дѣло Деп. Полиціи Исп., Арх. № 881, 1815 г.

покупкою“, однако купцы и даже иностранцы „оказываются владѣльцами російскихъ людей подъ разными предлогами“. Одни владѣютъ по закладнымъ сдѣлкамъ, т. е. имѣющей право владѣть, „продавъ крестьянина или крестьянку, не имѣющему на то право, даетъ бумагу въ томъ видѣ, что онъ будто бы въ обезпеченіе извѣстнаго долга передаетъ ему человека, предоставляя въ то же время право продажи оного“. Въ г. Одессѣ купцы, мѣщане, евреи, по разнымъ „изворотамъ“ владѣютъ крѣпостными ¹⁾. Попутно въ 1822 г. помѣщикамъ возвращено, пріостановленное въ 1802 г., право ссылки крестьянъ въ Сибирь на поселеніе, но безъ зачета въ рекруты, а въ 1823 г., 1824 г. мѣстнымъ пачальствамъ воспрещено изслѣдованіе основательности просьбъ помѣщиковъ о ссылкѣ крестьянъ въ Сибирь на поселеніе: просьбы помѣщиковъ по даннымъ вопросамъ приводятся въ исполненіе губернскими правленіями безъ ограниченій лѣтъ ссылки.

Опредѣленія закона о крѣпостномъ населеніи перѣдко бывали недостаточны и не обнимали вполнѣ и всесторонне того, что развилось въ жизни: на этой почвѣ возникали всевозможныя злоупотребленія помѣщичьей власти, чему не мало способствовали неопредѣленность, неточность законовъ, регулировавшихъ крѣпостническія отношенія ²⁾. Особенно тягостны были для крестьянскаго населенія оброчныя повинности: что касается выработки нормъ оброка, то произволу помѣщичьей власти не были поставлены никакіе предѣлы. Достаточныхъ данныхъ для выведенія среднихъ размѣровъ денежнаго оброка нѣтъ. Г. Середонинъ полагаетъ, что во второй половинѣ царствованія Александра I „нормальный оброкъ съ тягла былъ около 70 р. въ центральныхъ Велико-русскихъ губерніяхъ“ ³⁾. В. П. Семевскій считаетъ эту норму высокой. Средній оброкъ въ 1790 г. = 10—12½ р. „Если бы средній оброкъ возрасталъ въ это время пропорціонально съ цѣною хлѣба, то во второй половинѣ царствованія Александра I, онъ не долженъ былъ бы превышать 35 р.-асс. съ тягла“, но такъ какъ эксплуатація крестьянъ усн-

1) Дѣло Ден. Пол. Исп., 1814 г.

2) Романовичъ—Славатинскій—ор. cit—стр. 306, 307.

3) Середонинъ—ор. cit., т. I—стр. 348.

лилась, то, быть можетъ, возможно принять, что средній оброкъ ¹⁾ въ нечерноземной полосѣ Великороссіи возросъ въ 1815—1825 г. до 50 р., но едва ли болѣе. Если принять эту цифру, по среднему курсу 1811—1825 г. 126 к., асс. руб., то это составитъ 13 р. с. съ тягла. Опредѣленіе средняго размѣра оброка можетъ показать, конечно, напряженность этой повинности, но по существу оно едва ли можетъ дать конкретную картину. Тяжесть оброка и посильность всегда находится въ связи съ экономической состоятельностью крестьянскаго хозяйства, что представляло чрезвычайныя колебанія. Важнымъ здѣсь нужно признать неопредѣленность размѣровъ оброка, что ставило крѣпостныхъ крестьянъ въ безвыходное положеніе. Въ числѣ поводовъ крестьянскихъ волненій, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, жалобы на тяжесть оброка постоянны.

Въ экономической жизни крѣпостнаго крестьянства не меньшее разстройство вносило отсутствіе точной регламентаціи о размѣрахъ повинностей, отбываемыхъ крестьяниномъ въ пользу помѣщика. „Крестьянину не давай обрости, по стриги его, яко овцу до гола“ (Посошковь), вотъ собственно основная руководящая идея, которая направляетъ и опредѣляетъ отношеніе помѣщика къ труду и собственности крестьянина. Извѣстный Павловскій указъ 5 апрѣля 1797 г., ограничивающій барищину тремя днями работы на помѣщика, не имѣлъ практическаго значенія. Хотя г. Трифилъевъ на основаніи архивныхъ документовъ показываетъ, что въ царствованіе Павла правительство строго настаивало на исполненіи указа ²⁾, однако эти строгіе приказы не достигали цѣли и сплошь да рядомъ они нарушались. Крестьяне работаютъ на господина не только въ будни, но и въ праздни-

¹⁾ Данные о размѣрахъ оброка см.—Снѣжневскій. Матеріалы для исторіи крѣпостнаго хозяйства, Дѣйствія Нижегородск. Уч. Арх. Ком., т. II, стр. 13, 14, 15, 21, 26, 27 Навловъ—Сильванскій—Сочиненія, т. II, стр. 161—163; прим. 1—3 къ стр. 162.

Семевскій—Крестьянскій строй, стр. 187—192, весьма дѣльные свѣдѣнія. Павлишинъ—Рязанскіе помѣщики, стр. 34, 59, 60.

Исторія Удѣловъ, т. II, отд. I, стр. 80, 87, 79, много данныхъ.

Середонинъ—Op. cit, т. I—стр. 332, 335, 336, 338, 348—349.

²⁾ Трифилъевъ—Очерки по исторіи крѣпостнаго права въ Россіи, стр. 293—302.

ные дни. Въ 1818 г. на духовныхъ лицъ была возложена обязанность слѣдить, чтобы помѣшники не лишали своихъ крестьянъ возможности „бывать въ церкви слушать слово Божіе“, но правительство увидѣло въ этомъ надзорѣ со стороны духовенства неудобство, ибо духовенство, занимающееся „сыскомъ для доноса“ можетъ потерять расположеніе къ себѣ прихожанъ и подвергнуться предосудительному мнѣнію, а потому это наблюденіе было передано свѣтскому начальству. Во взиманіи повинностей, въ виду чрезвычайной растяжимости этой обязанности, конечно, не было никакихъ границъ. Жалобы на „изнуреніе“ и „отягощеніе“ непосильными работами и повинностями слышались на протяженіи всей имперіи изъ устъ всѣхъ волнующихся крестьянъ ¹⁾. Жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, насилие надъ личностью крестьянъ, истязанія и наказанія были явленіями слишкомъ обыденными, типичными и вытекали изъ факта безправнаго положенія крестьянина, для котораго всѣходы законной защиты были почти закрыты, а тѣ, которые были, не приводили къ цѣли и у крѣпостного оставался одинъ выходъ—это непосредственный протестъ противъ угнетенія, что облекается въ различныя формы и виды неповиновеній и волненій. Слишкомъ извѣстны факты жестокаго и насильнаго обращенія съ крестьянами, чтобы на нихъ останавливаться ²⁾. Подача жалобъ на помѣщика со стороны крестьянъ воспрещалась, однако крестьяне часто обращались съ своими жалобами. Если жалоба отъ многихъ крестьянъ поступала къ какому-нибудь администратору, то просителей безъ „разсмотрѣнія причинъ на жалобы“ считали за бунтовщиковъ и наряджали по этому поводу „сѣдствие“.

¹⁾ Подробности см. Середонинъ—ор. cit., т. I. 337, 347—348, 327—323, 343—347, 335, 367—368 и др.

Повалишинъ—ор. cit—40, 61, 63, 64, 70, 75, 233, 234, 235.

Семевскій—Крестьянскій строй. 192, 194, 195, 200, 203, 205, 206, 207, 185, 186.

²⁾ Романовичъ—Славатинскій—ор. cit—314.

Мордовцевъ—Наканунѣ воли, Архивные силуеты, т. I, 21, 22, 24, 25, 29, 33, 34, 48, 183.

Середонинъ—ор. cit—329, 332, 333—334, 324—325, 326, 336.

Повалишинъ—ор. cit—90, 93, 91, 92, 104—105.

Дубасовъ—Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края, в. I 222—223, 224.

Свербеевъ—Записки, т. I—200, 207, 303.

съ перваго же шага подозрѣвая преступное возстаніе противъ власти, что такъ часто во время оно называлось бунтомъ“, а слѣдователи, служащіе по выбору отъ дворянъ, особенно уѣздные предводители дворянства, „почти всегда тянули на сторону помѣщиковъ“ и рѣдко крестьяне получали облегченіе ¹⁾. Судебныя мѣста, которымъ приходилось разсматривать случаи злоупотребленія помѣщичьей власти, слишкомъ снисходительно относились къ дѣяніямъ помѣщиковъ, обрушиваясь всей строгостью закона на крестьянина. Судъ дворянъ надъ провинившимися дворянами, который пытался культивировать Александръ I въ началѣ своего царствованія, еще меньше могъ обезпечить интересы крѣпостной массы отъ всевозможныхъ покушеній и поцолзновеній со стороны тѣхъ же дворянъ—помѣщиковъ. Отдавая на судъ Ярославскаго дворянства дѣло Побѣдинскаго, Александръ I напрасно надѣялся, что „въ недостаткѣ гражданскаго закона“, заимствуя основаніе суда въ правилахъ чести, совѣсти и человѣчества, не дасть оно (дворянство) въ немъ мѣста ни ослабленію, ни пристрастію“ при опредѣленіи соразмѣрности дѣянію наказанія. Наибольше строгимъ наказаніемъ являлось наложеніе опеки на имѣніе помѣщика. По закону 1817 г. опеку можетъ наложить генераль-губернаторъ, военный губернаторъ, управляющій гражданской частью, а гдѣ ихъ не было—дворянскія собранія. Однако въ опеку попадали имѣнія помѣщиковъ, которые переходили всѣ границы. Но не всегда преступное дѣяніе помѣщика находило должное возмездіе: помѣщикъ имѣлъ много средствъ избѣжать наказанія, къ тому же они чувствовали себя настолько независимыми и свободными въ своихъ дѣяніяхъ, въ предѣлахъ своего помѣстія, что часто пренебрежительно относились къ распоряженіямъ мѣстныхъ властей, поэтому не всегда оказывалось возможнымъ сломить упорство и своеволие помѣщиковъ. Крѣпостная дѣвка тит. сов. Томашевичевой, Пр. Пузырева, жаловалась Феодосійской полиціи, что помѣщица причиняетъ ей побой и заковала въ кандалы. Полиція потребовала подписку, чтобы помѣщица „безъ вѣдомствъ полиціи людей своихъ не наказывала“: въ дачѣ такой подписки помѣщица отказалась, 18 человекъ крестьянъ ниже-

1) Свербеевъ, т. II—49—50.

городскаго помѣщика Бобоѣдова жаловались въ 1810 г. Одинъ изъ нихъ показывалъ, что помѣщикъ вынудилъ у него 500 р. с. съ тѣмъ, чтобы не отдавать въ рекруты брата его, съ котораго онъ также требовалъ 1000 р., при этомъ билъ по два раза въ сутки палками и прутьями и, заковавъ въ желѣза, держать въ нихъ два мѣсяца. Другой каждый день терпѣлъ побои и въ одинъ день былъ наказанъ палками до 5-ти разъ, „бывъ привязанъ накинутаю на шею глухой петлей, отъ чего онъ былъ полумертвъ“. Помѣщикъ приказывалъ братьямъ бить палками престарѣлаго отца, а за неисполненіе сего сами биты до безчувствія: столь же безчеловѣчно наказывалъ помѣщикъ и другихъ крестьянъ: одну изъ дворовыхъ женщинъ по наказанію палками, въ теченіе цѣлой недѣли во время людскаго обѣда и ужина, при видѣ всѣхъ людей приказывалъ каждый разъ бить по щекамъ по 40 разъ и „мазать нечистотой“. „Поваливъ одного изъ своихъ людей, стрыжь ему носъ“. Исслѣдованіе стряпчаго губернскаго угод. суда и земскаго исправника подтвердило основательность крестьянскихъ жалобъ и по Выс. распоряженію имѣніе было отдано въ опеку ¹⁾. Помѣщики, на которыхъ поступали жалобы въ истязаніи и угнетеніи крестьянъ, часто отдѣлывались простымъ „внушеніемъ“. Витебской губ., Полоцкаго Повѣта, дер. Жарца, повѣренные отъ крестьянъ жаловались въ 1814 г. на помѣщика Жаборовскаго, который притѣснялъ крестьянъ своихъ за то, что они въ 1812 г. „добровольно сражались съ непріятелемъ“ и за то, что по приказанію ген. отъ кав. гр. Витгенштейна 22 изъ нихъ дозволено носить на шляпахъ кресты, присвоенные для Сиб. ополченія. Полоцкій земскій судъ не считалъ наказаній крестьянъ „немиросерднымъ“, но бывшіе при наказаніи крестьянъ полицейскіе служители подъ присягой объявляли, что Ж. наказывалъ крестьянъ „собственноручно плетью“, приговаривая: „вотъ вамъ французы, вотъ вольность, вотъ вамъ крестъ“. По мнѣнію исправника, крестьяне наказывались обывковенной плетью „посредственно и умѣренно“. Дѣло осталось безъ послѣдствій, губернатору внушили слѣдить за обращеніемъ помѣщика съ крестьянами ²⁾. Постановленіе

1) Дѣло Деп. Н. Исп., 1810 г., № 339.

2) Дѣло Деп. Пол. Исп., 1814 г., № 731.

это состоялось 27 февр. 1817 г., а дѣло начато было въ 1814 г. Александръ I къ крестьянскимъ жалобамъ относился всегда очень внимательно, поручая разслѣдованіе случаевъ, вызвавшихъ жалобы, комитету министровъ. Очень часто, когда до свѣдѣнія императора доходили извѣстія о крестьянскихъ волненіяхъ онъ ставилъ вопросъ: не „доведены“ ли крестьяне до возмущенія жестокостями помѣщика? Правда, изслѣдованія причинъ неповиновенія, нерѣдко пристрастныя, не обнаруживали какихъ нибудь законныхъ нарушеній, но, безусловно, императоръ не оставался безучастнымъ къ жалобамъ крестьянъ. Г. Середонинъ сообщаетъ весьма любопытный эпизодъ, когда управляющій Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ внесъ въ комитетъ Министровъ предложеніе обязать крестьянъ, чтобы съ просьбами обращались крестьяне въ судебныя мѣста и не обременяли Императора. На это постановленіе комитета Александръ I положилъ резолюцію: „никогда подобныхъ подписокъ не дѣлать, въ коихъ бы изъяснялось, что запрещается приносить Государю просьбы“ 1).

Страннымъ и несправедливымъ фактомъ крѣпостного права являлась продажа крестьянъ. Ограничить торга людьми своими колеблющимися и нерѣшительными мѣрами правительство не могло. Государственный Совѣтъ, при обсужденіи вопроса о продажѣ людей въ 1801 г., призналъ продажу людей „совершенно несоотвѣтствующимъ благотворительнымъ распоряженіямъ и великодушнымъ правиламъ“ Александра I. Не находя „точного и яснаго постановленія на продажу людей безъ земли“, тѣмъ не менѣе не счелъ Государственный Совѣтъ нужнымъ изданіе точнаго постановленія въ началѣ новаго царствованія, „когда простой народъ, всегда жаждущій свободы, по неразумію, часто самый малѣйшій поводъ къ ней принимаетъ за законъ, а потому выходитъ изъ повиновенія“. Въ 1804 г. Александръ приказалъ „запретить сей постыдный торгъ“: воспрещены въ 1822 г. публикаціи о продажѣ людей въ Сѣв. Вѣдомостяхъ; въ томъ же 1804 г. для предупрежденія злоупотребленія при рекрутскихъ наборахъ запрещено отдавать въ рекруты крѣпостныхъ, которые прожили за помѣщиками менѣе 3 лѣтъ; 1808 г. воспрещается вывозить людей на продажу на ярмарки и торги; 1812 г.

1) Середонинъ—op. cit.,—353; ср. стр. 349—351.

выдача довѣренности на соверщеніе купчихъ на продажу по одиночкѣ и безъ земли, а въ 1813 г. установлена такса за особу м. п. 300 р., ж. п. 150 р.: 1815 г. воспрещены публикации при явкѣ купчихъ крѣпостей на крѣпостныхъ, продававшихся безъ земли и неотдачѣ ихъ на выкупъ, такъ какъ продаваемыхъ безъ земли нельзя считать недвижимымъ имѣніемъ: 1816 г. донскіе чиновники лишились права покупки людей для переселенія ихъ на войсковыя земли. Всѣ вышеуказанныя мѣропріятія мало достигали цѣли и торгъ людьми въ странѣ не прекращался. На то имѣются весьма серьезныя основанія. Прежде всего нужно отмѣтить конечно нерѣшительность власти. Нельзя не обратить вниманія на продажность администраціи ¹⁾. Ревизовавший Новгородскую губ. сен. Миклашевскій въ 1814 г., нашель, что Казенная палата по Учрежденію о губерніяхъ, обязанная смотрѣть, чтобы не было запрещенныхъ съ народа сборовъ, „не можетъ по составу своему и по занятіямъ своимъ исполнять сего закона“. Земскіе исправники, къ которымъ должны обращаться крестьяне съ жалобами на мірскихъ головъ въ излишнихъ расходахъ, сами „большую частью участники съ сельскими урядниками въ излишнихъ поборахъ“. Обнаружено участіе земскихъ судовъ и др. чиновниковъ „въ поборахъ, похлѣбствѣ и лакомствѣ“ ²⁾. По Тамбовской губ. обвинялись въ корыстолюбіи, лихоимствѣ вице-губ. Вейсъ, губернский прокуроръ кн. Колунчаковъ. „Сей послѣдній потерялъ уваженіе до того, что почти вовсе не въ состояніи дѣйствовать къ наблюденію сираведливости“. Чиновники эти, производившіе 84 наборъ, обвинялись не только въ „безпорядкахъ, нерадѣніи, фальшивости, но и множествѣ отступленій отъ законовъ и злоупотребленіяхъ“ ³⁾. Одними бумажными распоряженіями нельзя было искоренить продажу людей еще и потому, что даже миролюбивые помѣщики, не злоупотреблявшіе своей властью, не могли отказаться отъ этого „постыднаго“ права. Крѣпостная эпоха съ ея неуваженіемъ къ человѣческой личности выработывала особую психологическую организацію. Даже такой гуманный помѣщикъ,

1) Д. Деп. Пол. Исп. 1816 г., № 671.

2) Дѣло Деп. Пол. Исп., 1813 г., № 257.

3) Ив., 1814 г., № 373.

какъ Д. П. Свербеевъ не могъ отрѣшиться отъ ужасныхъ понятій времени: „безъ розогъ, говорить онъ, дѣло не могло, конечно, обходиться, но это были обыкновенныя занятія управляющаго конторою“. „и *лучшіе помѣщики* не могли не злоупотреблять крѣпостнымъ правомъ“: самъ Свербеевъ сознается, что „за несвоевременный взносъ настоящаго оброка воспрещается, до совершенной его уплаты, бракъ въ домахъ и семьяхъ тѣхъ хозяевъ, на которыхъ окажутся недоимки: годные въ этихъ семьяхъ въ рекруты люди должны были мною отдаваться прежде очередныхъ“. Сафоновъ, мѣсяцъ, сосѣдь Свербеева, убѣждалъ послѣдняго крестьянъ „постоянно держать въ черномъ тѣлѣ“ ¹⁾. При такихъ понятіяхъ не могло быть никакихъ границъ для проявленія помѣщичьяго своеволія. Управляющій Кирѣевскихъ похитилъ у одной вдовы дѣвку: „дѣвку сію, писалъ онъ, какъ принадлежность мою, *ни за что* не упущу, хотя она сама по себѣ добраго гроша не стоитъ: но *надобна справедливость*. Дѣвка куплена родителями моими“ (священникомъ Смоленской епархіи) ²⁾. Несмотря на запрещенія, продажа людей идетъ весьма регулярно. Приведемъ одинъ случай. Жена колл. асс. Розлага въ 1806 г. въ Кіевскомъ у., продала донскому жителю за 90 р. родную дочь „въ видѣ *крѣпостной дѣвки*“, и покупатель получилъ „вѣрующее отъ нея шьемю, засвидѣтельствованное въ Кіевскомъ повѣтовомъ судѣ“. Главный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ улики основательными, но мать „дизобличенная въ продажѣ дочери ничѣмъ болѣе не наказана, какъ однимъ только выговоромъ“. Главный судъ, не находя на этотъ случай точнаго постановленія, обязалъ ее запиской не дѣлать впредь ничего подобнаго ³⁾. Нѣтъ надобности говорить, какое впечатлѣніе могли оказывать подобныя постановленія судебныхъ инстанцій на всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ попользованіе на совершеніе такихъ же дѣяній ⁴⁾. Положеніе крестьянъ заводскихъ, удѣльныхъ, если и имѣли нѣкоторыя выгодныя стороны, то въ общемъ

¹⁾ Свербеевъ—Записки, т. I, стр. 28—29, 151; т. II—33—34; 39, 40.

²⁾ Чт. М. Общ. Ист. и Др., кн. I, 1910 г., смѣсь, стр. 7—8.

³⁾ Дѣло Деп. II. Исп., 1810 г.

⁴⁾ Какъ нѣкоторая часть дворянства смотрѣла на крѣпостное право, см. Дубровнякъ—Послѣ отечественной войны. Русская Старина, 1904 г., январь, стр. 14—25, май, 255, 260—264, апрѣль, 15—19.

и они страдали отъ тяжести крупостного права, и они принимали участіе въ волненіяхъ.

Исѣдователь экономическаго быта крестьянскаго сословія не можетъ игнорировать весьма важнаго вопроса о земельномъ довольствѣ крестьянъ въ царствованіи Александра I. Скучность матеріаловъ не позволяетъ дѣлать какихъ либо опредѣленныхъ выводовъ. По вычисленію г. Сѣбянневскаго въ Нижегородской губ. на ревизскую душу приходилось съ 1790—1800 г.—2,8 д.; съ 1801—1810 г.—4,5 д., 1811—1820 г.—3,1—4,5 дес. ¹⁾ 50% удѣльныхъ крестьянъ имѣли въ пользованіи въ среднемъ 3,03 дес. пашни, 0,73 дес. сѣнокоса, 0,60 дес. прочихъ угодій; а всего около 4,4 дес. удобной земли на душу, между тѣмъ при составленіи „Учрежденія объ Императорской фамиліи“ предполагалось, подѣлить удѣльныхъ крестьянъ „вполнѣ обезпечивающимъ ихъ количествомъ земли“ ²⁾. Крестьянское надѣленіе въ общемъ подвергалось сильнымъ колебаніямъ. Дѣлать опредѣленные выводы для эпохи царствованія Александра I нѣтъ возможности. Но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, изъ того что мы уже знаемъ о размѣрахъ крестьянскаго надѣленія въ эту эпоху, что надѣлы крестьянскіе не обезпечивали крестьянскаго хозяйства. Въ отношеніи земельного обезпеченія крестьяне находились въ весьма невыгодныхъ условіяхъ, въ виду отсутствія какихъ либо законоурегулированныхъ гарантій. Недостаточное земельное обезпеченіе, тяжесть оброчныхъ, барщинныхъ повинностей, грубое и жестокое обращеніе, недостаточная законная защита интересовъ крестьянской массы создавали, вмѣстѣ взятыя, сгущенную атмосферу безправія и безысходности положенія, и на этомъ фонѣ каждая мелочь при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ обращалась въ нѣчто очень сложное и большое.

Въ этой атмосферѣ крупостного права и мыслимы были явленія въ родѣ слѣдующаго, о которомъ кажется не сообщалось еще въ литературѣ. Въ нѣкоторыхъ у. Минской губ. въ 1817 г. крестьяне очутились въ такомъ положеніи, что питались „листьями и травой“ и „умирали съ голоду цѣлыми семействами“. Адъютантъ главнаго штаба первой ар-

¹⁾ Дѣйствія Нижегородск. Ученой Архивн. Комиссіи, т. VI, стр. 12.

²⁾ Исторія удѣловъ, т. II, стр. 9, 10.

міи, проѣзжая черезъ м. Петриковъ, Мозырскаго у., владѣнія Ходкевича, слышалъ отъ крестьянъ, что многіе изъ нихъ „не видали хлѣба по двѣ недѣли“, земли пустуютъ, а крестьяне занимаются „приготовленіемъ лучины и перегонномъ изъ оной смолы для помѣщика“; жены и маленькія дѣти остаются безъ пропитанія; крестьяне, которые въ состояніи работать получаютъ въ недѣлю 2—3 гарнца жита; „утоляютъ свой голодъ липовымъ листомъ и березовой корой“, на пространствѣ 26 миль отъ г. Мозыря крестьяне страдаютъ отъ „угнетенія и голода“. Въ м. Липинѣ, во владѣніи Чапскаго „пустые дома крестьянъ умершихъ отъ голода, блѣдныя и изсохшія лица, еще живущихъ, наполняютъ душу ужасомъ“, къ тому еще крестьянъ обременяли выгонкой смолы для господина, крестьяне около 3-хъ мѣсяцевъ были лишены хлѣба; даже запретили имъ собирать кору съ березъ, которая составляла пищу для маленькихъ дѣтей. Въ м. Липинѣ вымерло 3 семейства отъ голода. Экономъ имѣнія Чапскаго принуждалъ крестьянъ брать соль „излишне противъ потребнаго для домашняго расхода количества и платить за оную вдвое дороже“ противъ рыночной цѣны. Крестьяне дошли до такой степени обѣднѣнія, что „не имѣють чѣмъ даже защитить голову отъ зноя солнечныхъ лучей“.

Безправное, угнетенное крестьянство нерѣдко выходило изъ состоянія покорнаго, пассивнаго. Постояннымъ способомъ выраженія протеста служили побѣги крѣпостныхъ, нерѣдко самоубійства ¹⁾, насилія надъ помѣщиками въ разныхъ видахъ, вплоть до умерщвленія особенно ненавистныхъ. Въ предшествующемъ изложеніи лишь въ общихъ чертахъ коснулись мы положенія крестьянскаго населенія, не останавливаясь подробно на затрагиваемыхъ вопросахъ. Общія указанія, сдѣланныя нами, достаточны для нашей цѣли. Въ общихъ чертахъ извѣстны тѣ условія крестьянской правовой и экономической жизни, на почвѣ которыхъ развертывались крестьянскія волненія въ царствованіи Александра I.

(Продолженіе будетъ). С. Аваліани.

¹⁾ Свѣжневскій—Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и въ XIX в. Нижегородскій Сборникъ, X, стр. 519, 526, 533, 545 и др.